

**Труды
Архива востоковедов
Института восточных
рукописей РАН**

Под общей редакцией
И.Ф. Поповой

Выпуск 1

Труды востоковедов
в годы блокады
Ленинграда
(1941–1944)

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2011

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В 1945 г.

Воспоминания сотрудников (запись и редакция Д.Е. Бертельса)

*Предисловие и публикация
С.И. Марахоновой*

Аннотация: Публикация представляет собой записанные и отредактированные Д.Е. Бертельсом воспоминания ряда сотрудников ЛО ИВ АН СССР — участников войны и сотрудников, вернувшихся в Ленинград из эвакуации в Ташкент. Материалы, скорее всего, были подготовлены для институтской стенгазеты, посвященной юбилейной дате — 30-летию победы советских войск над Германией. Только двое из этих сотрудников — О.И. Смирнова и В.И. Кальянов работали в ИВ до войны. Остальные были приняты на работу в ИВ после Победы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ЛО ИВ АН СССР, архивы.

Публикуемые материалы долгое время хранились в кабинете сектора Ближнего Востока ИВР РАН и были любезно предоставлены нам А.Г. Грушевым. Очевидно, записи представляют собой материал для стенной газеты, подготавливаемой сотрудниками ЛО ИВ к юбилейной дате — 9 мая 1975 г., 30-летию Победы над нацистской Германией. Это воспоминания сотрудников ИВ — ветеранов войны об участии в боевых действиях и воспоминания о возвращении Института в Ленинград из эвакуации в Ташкенте. Подготовка стенных газет, освещавших основные события институтской жизни, долгие годы была доброй традицией Института. Сохранился сделанный Д.Е. Бертельсом¹ проект праздничной стенгазеты («Материалы для стенгазеты к 09.05.1975»).

¹ Бертельс Дмитрий Евгеньевич (1917–2005) — сын известного советского ираниста, члена-корреспондента АН СССР Е.Э. Бертельса. В 1941 г., будучи на последнем курсе филологического факультета ЛГУ (арабско-иранский разряд), был арестован

		а) Фото — у Кости (Дубкова?) ² б) Материалы (заметки) — у Кости + Дунаевская ³ .	
День Победы. Передовая.		Отчетно-выборное. Ворожейкина.	
Темкин. О планировании (новая пятилетка).	О методике. Лившиц.	Ханин. О личных творческих планах.	Юзбашян о конкурсе
Гафурова Н. ГДР	Стеблин- Каменский. Туркмения	ИВ в мае 1945.	

Все воспоминания сотрудников (за исключением одного — интервью с И.И. Цукерманом, переписанного П.А. Грязневичем) записаны рукой Д.Е. Бертельса, в ту пору «главного хранителя» истории Института. Им также написаны два варианта статьи о событиях в Институте востоковедения в мае 1945 г. после возвращения коллектива из Ташкента. Одна из них имеет формальный характер, основана приказах по Институту и похожа на отчет. Другая написана в ином ключе, более человечная, живая и создана на основе воспоминаний очевидцев. Нам не известны другие описания этих событий.

Весь материал был отредактирован Д.Е. Бертельсом. Он внес изменения и исключил некоторые фрагменты: иногда для улучшения стиля, иногда из соображений политкорректности. Его собственная статья также была переработана. Мы приводим здесь полный текст документов, устраняя лакуны и восстанавливая первоначальный вариант этих материалов.

и до 1956 г. находился в лагерях и в ссылке в Красноярском крае. В 1956 г. поступил и в 1959 г. окончил романо-германское отделение филологического факультета ЛГУ. Был переводчиком с немецкого языка. С 1961 г. работал в ЛО ИВ АН СССР, специализировался на истории отечественного востоковедения. Ряд лет заведовал АВ ИВ и ЛО ААН СССР, с 1978 г. — на пенсии (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 774).

² Дубков Константин Викторович (род. в 1941 г.), историк, сотрудник Архива востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Работал в Институте с 1972 по 2001 г.

³ Дунаевская Ирина Михайловна (род. в 1919 г.), кандидат филологических наук. Родилась в Петрограде. С 1937 г. училась на филологическом факультете ЛГУ сначала на русском, затем на немецком отделениях и отделении семито-хамитской филологии. В 1941–1945 гг. была в народном ополчении, затем на фронте в качестве военного переводчика. В 1948 г. окончила филологический факультет ЛГУ как германист, затем аспирантуру Восточного факультета по хеттологии. В 1957–1979 гг. работала в ИВ АН (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 808).

В первые дни и недели Великой Отечественной войны в армию были призваны многие военнообязанные сотрудники ИВ, в том числе женщины. Для особо ценных научных работников, необходимых для выполнения Институтом заданий оборонного характера (составление словарей, разговорников на восточных языках и пр.), дирекции удалось получить отсрочки. Таким образом, в ряды РККА были призваны 16 человек. В народное ополчение вступило около 50 человек, но затем многих отозвали по разным причинам; в конечном счете в рядах ополчения сражались 14 человек, прежде всего аспиранты и молодые сотрудники ИВ АН. Пятеро из них не вернулись с фронта.

Эвакуация ИВ в Томск, первоначально намеченная на конец августа 1941 г., была сорвана быстрым продвижением немецких войск и установлением блокады Ленинграда. По распоряжению Совнаркома СССР в августе–ноябре 1941 г. самолетом на курорт Боровое в Казахстане были вывезены академики и члены–корреспонденты АН СССР. Некоторым удалось эвакуироваться самостоятельно. В феврале–марте 1942 г. по Дороге жизни в разные населенные пункты страны выехало около 20 сотрудников института. Последняя группа организованно эвакуировалась из Ленинграда в Ташкент 12 июля 1942 г. Иранист Ольга Ивановна Смирнова⁴ выехала из Ленинграда в марте 1942 г. на

⁴ Смирнова Ольга Ивановна (1910–1982), кандидат филологических наук, иранист-филолог. Специалист по истории Средней Азии и по согдийской нумизматике. Родилась в Петергофе в дворянской семье. В 1934 г. окончила лингвистический факультет ЛИФЛИ по иранскому циклу. Работала над согдийскими монетами в Государственном Эрмитаже. В 1935 г. по рекомендации А.А. Фреймана поступила на работу в ИВ. Занималась общими вопросами иранской филологии и иранского языкознания, переводом и изданием персидских рукописей. Участвовала в подготовке персидско-русского словаря, согдийского словаря, в разработке латинизированного таджикского алфавита. Опубликовала ряд работ по согдийской нумизматике, а также каталог монет с города Панджикент. С началом войны в июле–августе 1941 г. работала на строительстве оборонительных сооружений под Новгородом и станцией Горелово, затем с середины сентября до марта 1942 г. — сиделкой в подшефных госпиталях. В марте 1942 г. была эвакуирована из Ленинграда в Краснодарский край, где оказалась в оккупации (август 1942 — февраль 1943 г.). С мая по июль 1942 г. работала учетчиком по животноводству в колхозе «Кунша» Упорненского района Краснодарского края. В феврале 1943 г. начала преподавать алгебру и физику в средней школе в станице Курджитской Тульского района Краснодарского края. В августе 1943 г. по вызову дирекции ИВ АН выехала в Ташкент для работы по специальности. Работала в ИВ и одновременно в Институте по изучению восточных рукописей АН УзССР, где принимала участие в подготовке каталога восточных рукописей. 20 апреля 1945 г. в Ташкенте защитила кандидатскую диссертацию «Согдийский нумизматический материал как источник для истории Средней Азии домусульманского периода». Вернувшись в Ленинград из эвакуации, занялась разработкой рукописного персоязычного фонда, участвовала в критическом издании «Шахнаме» Фирдоуси и переводах современных иранских новеллистов.

Северный Кавказ. С сентября 1943 г. работала в ИВ в Ташкенте. Индолог Владимир Иванович Кальянов⁵ с начала войны был на фронте, с осени 1942 г. — в Ташкенте. Только эти двое из упоминаемых в публикации сотрудников начали работать в ИВ АН до войны. Все остальные лица, чьи воспоминания здесь представлены, стали сотрудниками Института после или во время войны.

С.И. Марахонова

И[нститут] в[остоковедения] в 1945 г.

К[лавдия] Б[орисовна] С[таркова]⁶.

<Приписка на полях: настроение было бодрое, даже приподнятое>. Выехали из Т[ашкента] в ночь с 9 на 10-е мая 1945 г. Ехали хорошо в пассажирских вагонах 6 суток до Москвы. В Москве стояли несколько часов и пересели в другой поезд — это был немецкий купейный вагон. Я всю ночь стояла и смотрела в окно — вместо привычных станций

⁵ Кальянов Владимир Иванович (1908–2001), доктор филологических наук, индолог. Родился в Мариупольском округе Таврической губ. В 1929 г. поступил на восточное отделение лингвистического факультета ЛИЛИ по индийскому циклу. В 1937 г. был принят на работу в ИВ в Индо-тибетский кабинет. 5 июля 1941 г. вступил в народное ополчение. 19 апреля 1942 г. был демобилизован для продолжения научной работы, которой занимался некоторое время в Ленинграде до эвакуации ИВ. С Институтом не выезжал. Самостоятельно выехал в Боровое (до или после эвакуации ИВ). В Боровом, согласно архивным документам, числился с 5 августа 1942 г. В начале октября 1942 г. В.И. Кальянов переехал в Ташкент, где работал в ИВ. Вернулся в Ленинград одним из первых 1 августа 1944 г. для работы по подготовке Института к эвакуации сотрудников. В 1960–1968 гг. заведовал Индийским кабинетом, затем перешел в Сектор Древнего Востока. Занимался переводом и публикацией «Махабхараты». Перевел несколько книг из нее. С 1985 г. — на пенсии.

⁶ Старкова Клавдия Борисовна (1915–2000), доктор филологических наук, семитолог, гебраист. Родилась в Петрограде в дворянской семье. В 1933 г. поступила в ЛИФЛИ на кафедру семитских языков и литератур лингвистического факультета. В 1938 г. была принята в аспирантуру на кафедру семитологии ЛГУ. Занималась еврейской литературой. Пережила в Ленинграде первую блокадную зиму. В феврале 1942 г., будучи ассистентом кафедры семитологии, эвакуировалась из города с университетом, по-видимому, в Саратов. Однако до начала 1944 г. проживала в селе Калинка Арзамасского р-на Горьковской обл., где работала учителем в средней школе. В марте 1944 г. вызвана на работу по специальности в ИВ, находившийся в Ташкенте. После возвращения в Ленинград продолжала работать в ЛГУ на кафедре семитологии, а после закрытия кафедры в 1948 г. служила в ряде библиотек. В штат ЛО ИВ АН СССР была зачислена в 1954 г. С тех пор главной темой ее исследований стало изучение кумранских рукописей (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 578).

Угловка, Вишера Б[ольшая] и М[алая], Бологое и др. были груды кирпича, поросшие травой и лопухами.

В Ленинград прибыли ок[оло] 13 ч[асов] в воскресенье 17-го мая — было очень холодно, сыпал хлопьями снег. Те, кто не имел квартиру, был отправлен в Дом ученых, где нас поместили. Было холодно, но это уже был кров над головой. Прожили мы так 2 м[еся]ца, а затем нас стали распределять по разным домам. В этом деле большую помощь всем сотрудникам оказал В[асилий] В[асильевич] С[труве].

18-го мая, в понедельник, мы побежали в Институт. Картина была печальная — черные полы, запыленные стены, разбитые окна. Вскоре, однако, завхоз ИВ привез из Риги машину стекла, и окна Ин[ститу]та прозрели. Этим же стеклом застеклили окна на квартирах сотрудников. Институт также снабдил сотрудников самой необходимой на первое время мебелью — столы, стулья. Арабский кабинет был завален тоннами поступивших за 4 г[ода] книг из арабских стран. Грязь и пыль — даже трудно описать. Сотрудники принесли из дома ведра, тряпки, мыла и отмывали полы. Библиотека начала работать с первых дней — это была заслуга О.Э. Ливотовой.

В[асилий] В[асильевич] С[труве] погнал всех в ун[иверсите]т на Востфак, чтобы с 1-го сент[ября] все начали там преподавать.

Кресты из березовых стволов в Павловском парке.

О[льга] И[вановна] С[мирнова].

Один из старейших сотрудников нашего Отделения О.И. Смирнова вспоминает о том, как И[нститут] в[остоковедения] возвращался из Ташкента в родной город на Неве. Разговоры о предстоящем отъезде из Ташкента начались еще в феврале 1945 г. Вскоре начали составлять списки на реэвакуацию, оформлять нужные документы. И вот в один прекрасный весенний день была дана команда уложить вещи и ехать на вокзал. Сотрудники И[нститута] в[остоковедения] сели в эшелон, к[ото]рым эвакуированные в Ташкент ленинградские институты возвращались в родной город. К сожалению, сам путь до Ленинграда уже как-то потускнел в памяти. Но когда поезд стал подходить к Ленинграду, все прильнули к окнам. Глубокое и волнующее впечатление произвела на всех картина потрясающих разрушений. Сам же город показался сначала как бы совсем неповрежденным, что, впрочем, потом изменилось. Прибывших из Ташкента на вокзале встречали А.А. Фрейман и оставшийся в Ленинграде уполномоченный ИВ по Ленинграду А.Н. Болдырев.

ИВ АН СССР в мае 1945 года.

<Зачеркнуто: Разговоры о скором возвращении в Ленинград начались среди сотрудников ИВ, находящихся в Ташкенте, еще летом 1944 г. Но это были всего лишь разговоры. Повод для них был, правда, весьма убедительный — победоносное шествие наших войск на Запад говорило о неизбежности победы нашего советского народа.>

В феврале 1945 г. директор ИВ акад[емик] В.В. Струве был вызван в Президиум АН СССР в Москву, где участвовал в комиссии по эвакуации ленинградских институтов, находившихся во время войны в Ташкенте. 25 апреля 1945 г. появился приказ № 17 по ИВ АН СССР, в котором А.М. Мугинов назначался помощником директора по вопросам эвакуации. С этого дня началась интенсивная работа по подготовке к отъезду из Ташкента — составлялись списки, оформлялись <зачеркнуто: нужные> документы <зачеркнуто: напр[имер], пропуска.>

7 мая 1945 г. в Институте было торжество — Президиум Верховного Совета Узбекской ССР вручил коллективу почетную грамоту за выдающиеся научные заслуги в период пребывания в Ташкенте. А на следующий день была дана команда укладывать <зачеркнуто: уложить> вещи, и в ночь с 9 на 10 мая <зачеркнуто: 1945 г. радостно возбужденные> сотрудники садились в поезд <зачеркнуто: вагоны>, стоявший у перрона ташкентского вокзала. Там они и узнали о Дне Победы! Ехали <зачеркнуто: удобно и хорошо> долго — 6 суток, но в пассажирских вагонах. <Зачеркнуто: За окнами буйно цвела весна. До Москвы ехали 6 суток.> В Москве провели несколько часов и вечером сели в другой поезд <зачеркнуто: он состоял из немецких купейных вагонов>.

Под утро все были у окон. <Зачеркнуто: Взору сотрудников предстала печальная картина разрушений.> Вместо хорошо знакомых довоенных зданий вокзалов в Угловке, Малой и Большой Вишере, в Бологом видны были груды битого кирпича, поросшие травой и лопухом. Рядом стояли вагончики, на которых были прибиты доски с названием станции.

В Ленинград прибыли <зачеркнуто: ночью, в ночь на> около 1 часу <зачеркнуто: днем>, <зачеркнуто: около 1 часа> в воскресенье 17 мая, днем — было <зачеркнуто: очень> холодно, в воздухе кружились крупные хлопья мокрого снега. Прибывших встречали уполномоченный ИВ по Ленинграду А.Н. Болдырев и А.А. Фрейман.

Тех, кто потерял в Ленинграде жилье, повезли в Дом ученых, где для них были приготовлены комнаты <зачеркнуто: со стороны ул.

Халтурина.> Было в них, правда, <зачеркнуто: неуютно> холодно, но зато была крыша над головой, да к тому же в родном городе. <Зачеркнуто: В этих комнатах> Многие сотрудники ИВ прожили здесь около двух месяцев, а затем, благодаря хлопотам и заботам директора, <зачеркнуто: были> получили жилье в других домах.

18 мая <зачеркнуто: в понедельник> все поспешили <зачеркнуто: побежали> в Институт, находившийся тогда в здании БАН. У входа стояли молодые ребята в военной форме, с винтовками, проверявшие пропуски, — в городе еще частично сохранялся режим военного времени. Грустное зрелище увидели сотрудники в здании — выбитые стекла, кое-как заделанные, покрытые толстым слоем пыли стены, черные полы <зачеркнуто: холод>.

24 мая директор ИВ подписал приказ № 20: «Во исполнение решения Президиума АН СССР и в соответствии с решением ГКО Институт востоковедения, находившийся в эвакуации в г[ороде] Ташкенте, считать вернувшимся и приступившим к работе в Ленинграде с 17 мая 1945 г.».

Вернулись и приступили к работе — а начинать надо было с восстановления. <Зачеркнуто: Дирекция Института делала все возможное, чтобы помочь сотрудникам.> Через несколько дней завхоз привез из Риги машину оконного стекла, и вскоре окна в <зачеркнуто: здании> помещениях Института прозрели. Этим же стеклом стеклили окна в квартирах сотрудников <зачеркнуто: где также не было стекол.> Институт снабдил сотрудников необходимой на первое время мебелью — столы, стулья. Не остались в долгу и сотрудники — они приносили из дома ведра, тряпки, полученное по карточкам мыло и мыли стены, полы, окна, столы. Интересно, что в Арабском кабинете все было завалено пачками поступивших за четыре года журналов и книг из арабских стран.

Библиотека ИВ начала работать буквально с первого дня, и в этом была большая заслуга О.Э. Ливотовой.

Через несколько дней директор ИВ попросил всех сотрудников отправиться в Университет, на Восточный факультет, чтобы с 1 сентября на всех кафедрах <зачеркнуто: разрядах> могли начаться регулярные занятия. Это сотрудничество ИВ с Востфаком упрочилось <зачеркнуто: стало прочным> с началом занятий — ученые Института подготовили много <зачеркнуто: целый ряд> университетских курсов.

10 июня был опубликован Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении сотрудников АН СССР. Среди них были и ученые ИВ (14 человек) <зачеркнуто: орден Ленина получили 6 чело-

век, Трудового Красного Знамени — 5 человек и «Знак Почета» — 3 человека»⁷. Это была награда <зачеркнуто: партии и правительства> за самоотверженный труд в годы войны.

В отчете о работе ИВ АН СССР за 1945 г. отмечалось, что, несмотря на отсутствие «тех условий, которые необходимы для плодотворной исследовательской работы» (напр[имер], рукописный фонд еще находился в консервации), коллектив сотрудников плодотворно трудился, был закончен ряд важных научных работ. Был выпущен в свет т[ом] III сборника «Советское востоковедение» (сверстанный <зачеркнуто: еще> в 1941 г.). 5 младших научных сотрудников успешно защитили кандидатские диссертации, 1 диссертация [была] представлена на степень доктора наук. Были восстановлены научные связи с Гос[ударственным] Эрмитажем, с академиями наук и филиалами АН СССР в республиках Средней Азии и Кавказа, проведен ряд научных сессий, в частности, сессия, посвященная исполнившемуся в 1945 г. 220-летию Академии наук.

Д. Бертельс.

(Статья написана по воспоминаниям О.И. Смирновой и К.Б. Старковой, <зачеркнуто: которым автор выражает глубокую признательность>, использованы также архивные документы.)

ИВ АН СССР в 1945 г.

В своем отчете о работе за 1945 г. директор ИВ АН СССР В.В. Струве писал, что в феврале 1945 г. он был вызван Президиумом АН СССР в Москву в связи с реэвакуацией института из Ташкента. Он участвовал в работе комиссии по организации реэвакуации ленинградских институтов АН СССР, пребывавших в Ташкенте во время войны.

25-го апреля 1945 г. по ИВ АН СССР был издан приказ № 17:

«§ 1. Мугинова Абдулладжана Мугиновича, кандидата филологических наук, назначаю моим помощником по вопросам реэвакуации.

§ 2. В связи с тем, что в Ташкенте временно остается часть сотрудников и аспирантов ИВ, в целях установления постоянной научной и научно-организационной связи как с остающимися сотрудниками и

⁷ Ордена Ленина были удостоены академики И.Ю. Крачковский (дважды), В.М. Алексеев, А.П. Баранников, С.А. Козин, В.В. Струве; ордена Трудового Красного Знамени — академики С.А. Козин и А.А. Фрейман и член-корреспондент Е.Э. Бертельс. П.В. Эрнштедт, Н.В. Пигулевская, В.М. Штейн, И.П. Петрушевский и А.Н. Болдырев награждены орденом «Знак Почета». 50 (или 54) сотрудников ИВ были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», пять человек — медалью «За оборону Ленинграда» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 73, 74а).

аспирантами, так и с научными учреждениями УзССР, назначаю уполномоченным Института востоковедения АН СССР в Ташкенте члена-корреспондента АН СССР, профессора Бертельса Евгения Эдуардовича.

Секретарем Уполномоченного назначаю аспиранта ИВ тов[арища] Тагирджанова Абдуррахмана Тагировича.

Директор ИВ АН СССР, академик В.В. Струве».

К сожалению, о самом ходе возвращения сотрудников ИВ АН СССР нам ничего не известно, т.к. не сохранилось никаких документов.

24-го мая 1945 г. директор ИВ АН СССР подписал приказ № 20:

«Во исполнение решения Президиума Академии наук СССР и в соответствии с решением ГКО Институт востоковедения, находившийся в эвакуации в г[ороде] Ташкенте, считать вернувшимся и приступившим к работе в Ленинграде с 17 мая 1945 года».

В отчете о работе ИВ за 1945 г. есть такие строки: «Резэвакуация Института отняла много времени и сил. Да и в Ленинграде еще нет тех условий, которые необходимы для плодотворной исследовательской работы. До сих пор [отапливается] только часть здания, и это обстоятельство создает неизбежную тесноту. Рукописный фонд Института продолжает находиться в консервации, и значительная часть работ, основанных на исследовании рукописных источников нашего фонда, временно откладывается».

Однако, несмотря на трудности, коллектив сотрудников ИВ плодотворно работал, и был закончен ряд работ, имевших важное научное значение. Сотрудники ИВ активно участвовали в налаживании учебной работы на Восточном факультете ЛГУ. Это участие давало возможность ученым ИВ передавать подрастающему поколению свои новейшие исследования. Были подготовлены университетские курсы: введение в монголоведение, в индийскую и иранскую филологию.

Существенным был и рост научной квалификации сотрудников — 5 младших научных сотрудников успешно защитили кандидатские диссертации и 1 диссертация была представлена на степень доктора наук.

За годы войны и эвакуации естественно нарушились связи ИВ с востоковедными учреждениями. На протяжении 1945 г. ИВ восстановил деловые связи с ЛГУ, Гос[ударственным] Эрмитажем, Московским Ин[ститутом] востоковедения, с Академиями наук Грузии, Армении, Казахстана, Азербайджана, с филиалами АН Киргизии, Туркмении и Таджикистана.

Сотрудниками ИВ в порядке шефской работы был подготовлен ряд лекций: «Византия и Восток», «Чингисхан», «Русские путешественники в Центральной Азии», «Иран в мировой борьбе с фашизмом» и др.

В заключение следует напомнить, что в 1945 г. был выпущен в свет т[ом] III «Советского востоковедения», сверстаный еще в 1941 г., были проведены 2 юбилейные научные сессии в Ленинграде и в Москве в связи [с] 220-летием Академии наук.

Memento! Указ от 10.05.1945 г. о награждении орденами.

[Воспоминания].

<Зачеркнуто: Макарихина Галина Сергеевна.>

<Приписано карандашом: «Мы из Ленинграда».>

С января 1944 г. я служила в рядах Советской армии на 4-ом Украинском фронте в должности регулировщицы военной автомобильной дороги. Регулировщики движения шли сразу же вслед за передовыми частями. Участвовала при освобождении Севастополя и Симферополя. После освобождения Крыма нас перевели на 2-й Белорусский фронт. С нашими войсками мы перешли границу Польши, форсировали Вислу. Я регулировала движение на переправе через Одер у Кюстрина.

В конце апреля мы подошли к Берлину. После капитуляции Берлина я работала у Бранденбургских ворот, у Рейхстага. В день Победы с несколькими подругами, девушками-регулировщицами, я расписалась на Рейхстаге. На самом верху поверженного Рейхстага мы написали: «Мы из Ленинграда», подписали свои фамилии. После окончания войны я была оставлена для обслуживания Потсдамской конференции, в том числе советских руководителей.

Г.С. Макарихина⁸.

<Зачеркнуто: Ирина Михайловна Дунаевская.>

Военный переводчик.

<Зачеркнуто: У некоторых людей бытует мнение; Некоторые; В годы> Некоторые считают, что военный переводчик <зачеркнуто: мол> — штабной работник и прямых встреч с противником на поле

⁸ Машинопись. Очевидно, материал из той же стенгазеты.

Макарихина Галина Сергеевна, реставратор. Род. в 1924 г. в Калининской обл., с 1932 г. жила в Петергофе. В 1943–1945 гг. находилась на фронте. Имела звание ефрейтора. В 1948–1949 гг. работала реставратором в ГПБ. До 1956 г. служила секретарем-машинисткой в ряде организаций. С 1957 г. — сотрудник ЛО ИВ. Работала над реставрацией тангутской и дуньхуанской коллекций, санскритской рукописной коллекции Н.Ф. Петровского и китайской части коллекции П.К. Козлова. В 1983 г. вышла на пенсию (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 876).

боя у него не бывало, но вот, для примера, один эпизод, показывающий, в каких ситуациях оказывался переводчик на фронте <зачеркнуто: опровергающий эту ошибочную точку зрения>.

Во время боев по прорыву блокады Ленинграда в районе 8-й ГЭС я пришла с командиром полка, еще одним офицером и тремя солдатами на наблюдательный пункт на левом берегу Невы. Неожиданно нас окружила группа немецких автоматчиков — дело в том, что мы сперва приняли их за своих! Когда они открыли <зачеркнуто: по нас, нам> огонь, командир полка очень громко (в расчете на немцев!) скомандовал: «Товарищи бойцы и командиры! Занять оборону! Проверить оружие!»

Мы залегли за подбитым <зачеркнуто: накануне> немецким танком и за высокими пнями и начали отстреливаться из винтовок и автоматов. <Зачеркнуто: Стреляем, быстро перезаряжая винтовки и автоматы. Послышались крики раненых. Немецкие автоматчики залегли.> Вынуждены были залечь и немецкие автоматчики. Нас всего 6 человек... На счастье, на шум перестрелки подоспела группа наших разведчиков с пулеметом.

Я всю войну, вплоть до дня Победы <зачеркнуто: до 9-го мая 1945 г.>, была военным переводчиком и трижды была ранена.

И.М. Дунаевская.

<Зачеркнуто: Андрей Егорович Жариков.

Первый и последний залпы гвардейских минометов >

Залпы гвардейских минометов («катюш»).

Во второй половине декабря 1941 г. меня вызвали в Москву (в ту пору я был капитаном артиллерии). В Москве был сформирован артиллерийский полк, получивший новое оружие. Я был назначен <зачеркнуто: получил назначение> командиром отдельного дивизиона гвардейской минометной части Ставки Верховного командования. Для освоения нового оружия с нами провели... однодневные занятия. 28 декабря мы выехали на юг и прибыли в Новороссийск. В ночь на 1 января 1942 г. мы погрузились на пароход — 12 боевых машин, 36 транспортных и 250 солдат и командиров, — и вышли в море. Вскоре нас обнаружила немецкая авиация и сбросила несколько бомб. Было еще темно, когда мы в составе десанта высадились <зачеркнуто: высадились десантом> под Керчью и штурмом овладели городом. <Зачеркнуто: Гвардейские минометы> «Катюши» в этом бою молчали — нельзя было наш родной советский город подвергать действию столь сокрушительного оружия. <Зачеркнуто: Это могло привести к

ненужным разрушениям и к лишним жертвам среди мирного населения.>

Немцы стали драпать из-под Керчи, и вот тут-то, днем 1 января, мы дали залп из гвардейских минометов по отступающим колоннам немецких войск. Это был мой первый залп!

Когда мы увидели, что случилось с немецкими колоннами от этого первого залпа, то всю нашу усталость после бессонной ночи, после жестокого боя, как рукой сняло. Мощь этого нового оружия подняла боевой дух всего личного состава нашей части.

А последний залп? Последний залп наши грозные «катюши» <зачеркнуто: боевые машины> дали первого мая 1945 г. во время уличных боев <зачеркнуто: в логове фашизма> в Берлине. Чтобы уберечь наши войска от больших потерь в ходе бессмысленного уже тогда сопротивления противника, мы прошли улицы Берлина ливнями <зачеркнуто: шквалами> огня и расплавленного металла. 2 мая (тогда я командовал полком гвардейской реактивной артиллерии) я ехал в машине по берлинским улицам, и не было слышно уже ни единого выстрела.

А.Е. Жариков⁹.

Записал Д. Бертельс.

<Зачеркнуто: Вадим Александрович Ромодин.

Противотанковый ров.>

У стен Кенигсберга.

<Зачеркнуто: Была весна> Весной 1945 г. мы стояли северо-западнее Кенигсберга. Перед нами было внешнее кольцо укреплений города. Часть этого оборонительного кольца составляли <зачеркнуто: состояла из> старинные форты, сооруженные еще в конце XVIII — начале XIX вв. и модернизированные немцами в ходе войны. <Зачеркнуто: Будучи в то время> Я служил тогда в разведотделе штаба стрелковой дивизии и занялся изучением этих фортов. Пособляли мне ... визуаль-

⁹ Жариков Андрей Егорович (род. в 1914 г.). Завхоз, помощник заведующего, заместитель заведующего ЛО ИВ по административно-хозяйственной части. Родился в Орловской обл. В 1936 г. окончил Одесское военное артиллерийское училище и до 1961 г. проходил службу в Советской армии на офицерских должностях (командир взвода, батареи, дивизиона, начальник штаба артиллерийского полка, командир реактивно-артиллерийского полка, начальник курса Высшего инженерно-артиллерийского училища). Полковник. В 1949–1951 гг. служил в ГДР в советских войсках. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. С 1962 г. работал в ЛО ИВ. В 1975 г. уволился по состоянию здоровья (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 756).

ные наблюдения из НП, показания пленных и несколько военно-исторических книг, которые мне удалось достать <зачеркнуто: имевшихся в походной библиотечке.> Сопоставив все данные, я получил довольно подробные <зачеркнуто: достоверные> сведения об этих укреплениях <зачеркнуто: снабженные указаниями об их модернизации и чертежами>, их перестройке, а также их чертежи. Все как будто шло хорошо. Но вдруг оказалось, что <зачеркнуто: дальнейшему> продвижению приданных нам танков препятствует большой противотанковый ров, срочно выкопанный немцами. Сведений о нем у нас не было никаких, а как их добыть? Помощь пришла совершенно неожиданно — это был счастливый случай! Распахнулась дверь комнаты, в которой я сидел, и наши разведчики ввели в комнату двух перебежчиков — двух бывших военнослужащих французской армии, попавших в плен к немцам. Один — рядовой солдат, родом из Эльзаса, другой — капрал саперных войск! Оба они участвовали в сооружении <зачеркнуто: были отправлены немцами на сооружение> этого самого противотанкового рва. На мой вопрос капралу, может ли он дать схему рва, он ответил, что может. За каких-нибудь 10 минут он нанес на моей карте линию рва <зачеркнуто: и отдельно>, потом очень толково, со знанием дела вычертил схему того участка, на котором работал.

<Зачеркнуто: Взяв все> Получив эти данные, я немедленно отправился для доклада к начальнику штаба. И тут произошел такой диалог:

— Товарищ старший лейтенант, — обратился ко мне начштаба, — берите ваших людей и любыми путями добудьте мне сведения о противотанковом рве!

— Товарищ гвардии полковник, — ответил я, — разрешите доложить...

— Нет! <зачеркнуто: — был ответ> Отправляйтесь немедленно!

— Товарищ гвардии полковник, — упорствовал я, — разрешите доложить, что эти данные у меня уже есть!

<Зачеркнуто: ?!> Полковник только развел руками. Увидав мои чертежи и схему капрала, он задал мне только один вопрос — о степени их достоверности. Я объяснил ему, как было дело. <Зачеркнуто: Далее все пошло, как тому быть положено, а я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.>

За участие в штурме Кенигсберга я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

В.А. Ромодин¹⁰.

Записал Д. Бертельс.

<Зачеркнуто: Канат Калашевич Курдоев.

Ремонт зенитных орудий на передовой.>

Из воспоминаний зенитчика.

В начале 1943 г., по окончании артиллерийского училища в Ижевске, я был направлен в качестве техника-лейтенанта зенитной арт[иллерийской] дивизии на 2-й Прибалтийский фронт. В то время в Прибалтике находилась в «котле» 30-тысячная немецкая армия, которую мы и стерегли, перемещаясь все время по периметру «котла». В результате у немцев создалось впечатление, что они окружены плотным кольцом наших войск.

Однажды, после одной из передислокаций, наша зенитная часть сама оказалась отрезанной немецкими войсками. Двое суток мы были в окружении и вышли из него только после того, как использовали наши зенитные орудия для стрельбы прямой наводкой по наземным целям. В ходе прорыва пришлось оставить одно наше орудие, и моему подразделению было приказано <зачеркнуто: была дана команда> вывезти это орудие. <Зачеркнуто: И вот под покровом ночи> Ночью, используя рельеф местности и соблюдая полную тишину (немцы были рядом), мы двинулись на грузовике. Сейчас мне даже трудно сказать, сколько времени длилась эта операция, но закончилась она тем, что мы зацепили орудие тросом и благополучно доставили его в расположение нашей части.

А вот еще один случай. Как-то в ходе наступления немцы бросили целую зенитную батарею (4 орудия <зачеркнуто: пушки>). В то время к нашей дивизии присоединились части белорусских партизан, в моем подразделении их было 6 человек. Командование приказало нам изу-

¹⁰ Ромодин Вадим Александрович (1912–1984), кандидат исторических наук, историк, историограф, источниковед по Афганистану и Средней Азии. Родился в г. Пишпек Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. В 30-е годы учился в Ленинградском морском техникуме, был штурманом торгового флота В 1937 г. арестован, в 1939 г. освобожден и полностью реабилитирован. Поступил на исторический факультет МГУ. Всю войну служил в Красной армии в должности военного переводчика. Вернувшись после войны в МГУ, окончил в 1948 г. его восточное отделение, а в 1951 г. — аспирантуру. В 1952 г. приступил к работе в ИВ АН СССР в Москве. В 1955 г. был переведен в Ленинград в группу по изучению истории киргизов и Киргизии сектора восточных рукописей ЛО ИВ. В дальнейшем служил в Иранском кабинете. Разрабатывал две научные темы: история народов Средней Азии в позднее Средневековье и Новое время и история духовной культуры Афганистана на базе восточных источников. Преподавал в МГУ и ЛГУ (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 846).

чить эти немецкие зенитки <зачеркнуто: пушки> и обучить партизан стрельбе из них. И вскоре брошенные немцами орудия стали вести огонь по немецким войскам.

За что я получил орден Красной Звезды? Дело было так. Подразделение, которым я командовал, занималось ремонтом зенитных орудий. И вот однажды, после боя, я получил приказ произвести ремонт орудий батареи, весь расчет которой погиб. Когда мы уже закончили ремонт, немцы неожиданно предприняли атаку. <Зачеркнуто: А так как на батарее расчета не было, а были только мы, то мы — малоопытные в этом деле — изготовили.> На батарее были только мы, ремонтники, но мы сумели изготовить орудия к бою и начали вести прицельный огонь по наступающему противнику. Действовали мы успешно, <зачеркнуто: и вскоре> атака была отбита.

К.К. Курдоев¹¹.

Записал Д. Бертельс.

<Зачеркнуто: Любовь Матвеевна Кузьмина.>

От Выборга <зачеркнуто: Ленинграда> до Дальнего Востока.

В 1942 г. я была мобилизована и служила на Ленинградском фронте в 202-й стрелковой дивизии рядовым стрелком и поваром. <Зачеркнуто: Сначала на Ленинградском фронте.> Делать мне приходилось все, что положено делать солдату на фронте — стоять на посту, быть в карауле, стрелять, а еще — варить горячую пищу для солдат. Никогда не забуду <зачеркнуто: не изгладится из моей памяти> штурм Выборга, в котором я принимала участие. Противник отчаянно сопротивлялся, и когда я как-то шла по траншее с командиром части, то казалось, что воздух кишит осколками и пулями. Откровенно говоря, это было очень страшно. Выборг <зачеркнуто: Город> мы взяли, и около года наша дивизия простояла там.

Из-под Выборга нас привезли в Ленинград, переодели в новое обмундирование и посадили в теплушки <зачеркнуто: товарные ваго-

¹¹ Курдоев Канат Калашевич (1909–1985), доктор филологических наук, один из основоположников отечественного курдоведения, специалист в области языка, литературы, истории и этнографии курдов. Родился в Карсской области Кавказского наместничества. В 1931 г. окончил общественно-экономический факультет ЛИЖВЯ, затем ЛИФЛИ. В 1936–1939 гг. учился в аспирантуре филологического факультета ЛГУ. До 1941 г. работал в Институте этнографии АН СССР. В 1943 г. окончил Ленинградское артиллерийское училище и до 1945 г. служил в рядах Красной армии. По окончании войны досрочно демобилизован по ходатайству А.А. Фреймана, назначен преподавателем курдского языка на Восточном факультете ЛГУ и принят на работу в ИВ АН СССР. В течение 25 лет (1960–1985) руководил Группой курдоведения.

ны.> Полтора месяца ехал наш эшелон на Дальний Восток. Не помню, как называлось то место, куда нас привезли, помню только, что дальше железнодорожного пути уже не было.

<Зачеркнуто: Я была награждена восемью боевыми медалями, в том числе медалью «За победу над Японией».> Я была награждена восемью медалями, в том числе медалью «За победу над Японией».

Л.М. Кузьмина¹².

Записал Д. Бертельс.

<Зачеркнуто: Интервью с ветераном войны И.И. Цукерманом>
Отступить некуда!

<Написано в правом верхнем углу: Записал П. Грязневич.

В газету не пошло по желанию Цукермана.>

— Вы спрашиваете, что мне больше всего запомнилось, какой эпизод? Таких эпизодов за войну было много. <Зачеркнуто: Вот, видите ли, что я Вам скажу, таких эпизодов за войну, конечно, было много.> Первые увиденные мною немцы? Нет, это прошло как-то стерто... <Зачеркнуто: Были случаи, которые я всегда помню. Но они скорее человеческого или этнографического характера.> Из-под Ленинграда я попал на юг, воевал на Украине. Теперь все это слилось в один поток дней, если хотите — эпизодов <зачеркнуто: событий, как Вы говорите. Был, например, случай, эпизод>. Помню, например, такое. Стояли мы в деревне у одной тетки, она еще первую войну помнила. Сын ее <зачеркнуто: Так у нее сын> прислал письмо: «Мамо, напиши, как тебя зовут...» Понимаете, она всегда была для него просто «мамо», а тут аттестат, наверное, надо было оформлять <зачеркнуто: посылку надо было послать> или еще что. Так вот, а имени-то он не знает. «Мамо» и все! <Зачеркнуто: В деревне ведь <зачеркнуто: редко кого> часто всю жизнь называют или по прозвищу, или по отчеству.> А соседки так вообще называли ее по имени мужа — Андреевна. <Зачеркнуто: Ну вот, сын и пишет: «Мамо, напиши, как тебя зовут...».> Это было на Украине, там мы стояли. Но это скорее человеческого характера случай.

А самый запомнившийся эпизод был в начале войны под Ленинградом. Я о нем всегда рассказываю и даже писал. И ничего другого так не помню, как это. Понимаете, еще начало войны. Мы в полку все молодежь зеленая, студенты. И я сам такой же. <Зачеркнуто: И долж-

¹² Кузьмина Любовь Матвеевна (род. в 1917 г.). С 1957 по 1989 г. работала в ЛО ИВ уборщицей (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3., ед. хр. 1087).

ность у меня называлась странно — адъютант батальона. Главная моя задача была кричать: «Вперед! За мной, ребята!» Понимаете, «За мной!...» Мы отступали, <зачеркнуто: тогда было все непонятно. Куда? Что?> даже не знали точно, куда мы отступаем, и вдруг однажды с холма увидели Ленинград. <Зачеркнуто: Мы понимали> Мы вышли на Пулковские высоты и увидели Ленинград. Тут все остановились. Никто не приказывает идти назад, все как-то сами собирались, строились. Отступать некуда! <Зачеркнуто: Мы тоже собрались. Потом машины какие-то подали.>

Подали грузовики, нас подвезли немного. И вот мы опять идем, тут уже у всех такое чувство... Куда отступать-то, понимаете? И мы пошли вперед. <Вставлено: Там были еще какие-то части. Стрельба. Один командир стоял у обочины, махал рукой на запад и кричал: «Туда! Вперед, товарищи! <зачеркнуто: „За Родину, за Сталина!“>>. Помню, было поле, стога сена, мы перебежали, а до немцев, оказывается, рукой подать. Бежим, а нам навстречу, значит, огоньки... Должность у меня тогда называлась странно — адъютант батальона. Главная моя задача была кричать: «Вперед! За мной, ребята!» Понимаете, «за мной!...» Мы атаковали тогда немцев и задержали. Это был один из важных боев. <Зачеркнуто: И мы их задержали здесь.> Ну, я кричал «Вперед! За мной, товарищи!» Тогда меня сильно ранило, в плечо... <Зачеркнуто несколько фраз: По тогдашним понятиям, я допустил слабость, конечно. <Я попросил солдата вынести меня с поля боя.> Что надо было сделать? Иметь, как тогда говорили, последний патрон <для себя>, чтобы не сдаваться врагу. Я попросил солдата вынести меня с поля боя>. Но немцев мы тогда задержали. <Зачеркнуто: Вот вам эпизод какой!>

И.И. Цукерман¹³.

¹³ Цукерман Исаак Иосифович (1909–1998), иранист, курдовед. Родился в Минске. С 1929 по 1931 г. работал токарем на заводе «Красный металлист» им. Котлякова в Ленинграде. В 1931 г. начал учиться на кафедре иранской филологии ЛИЛИ (ЛИФЛИ) по курдскому циклу. По окончании учебы в 1934–1940 гг. работал ассистентом и старшим преподавателем филологического факультета ЛИФЛИ. В 1937–1950 гг. состоял старшим научным сотрудником Кабинета иранских языков Института языка и мышления (ИЯМ) им. Н.Я. Марра. В 1940 г. защитил диссертацию. В 1942 г. ушел на фронт добровольцем. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалью «За победу над Германией». В 1951–1957 гг. был доцентом Вильнюсского университета. В 1957–1978 гг. работал в ЛО ИВ АН СССР. Занимался грамматикой курдского языка, прежде всего его северного диалекта курманджи (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 791).

Строки из фронтового дневника¹⁴.

Дневник. Громко сказано. Всего лишь отрывочные записи-заголовки — в наивном расчете, что потом все вспомнится-восполнится. И те — только в период Туапсе — Кубань, как будто не было до того Ленинграда и Мешхеда, а потом Крыма (от Керчи до Севастополя), Карпат, Польши, Словакии... Да и записи все больше «гражданские» — лингвостнопсихологические.

5.11.42. НП — на горушке с видом на горы Семашхо, Два брата, Индюк. Высоты, можно сказать, у немцев. Отсюда они должны совершить прыжок на Туапсе.

6.11.42. Вчера впервые выпили фронтовую. Странный состав. Назвали его «Смерть клопам и тараканам», сокр[ашенно] «Смеклотара». Но достаточно крепкая. Очень нужно — разболелись ноги в суставах, ступни отекли. Настроение хорошее.

30.11.42. Перед нами 204 ГСП 97 ГСД¹⁵. Мюнхенцы, баварцы, описанные еще в «Успехе» Л. Фейхтвангера. Рослые, отборные. Много католиков. Упорные, тупые, жестокие.

11.12.42. Егеря — мюнхенцы теряют много солдат в бессмысленных контратаках. Не могут понять — как это не бегут от них, а встречают хорошим огоньком. Подлизываются в листовках: «Артиллеристы 67-го, вы хорошо стреляете, переходите на нашу сторону».

<Зачеркнуто: 13.12.42. Две бомбы упали в нашем расположении. Убило только одну лошадь. Среднеазиатские ребята из штабной роты набросились, как коршуны. Вмиг растерзали.>

15.12.42. Дело идет к ликвидации «индюкской» группировки немцев. Противник уходит за Пшиш. Конечно, здесь решающую роль сыграла наша дивизия.

<Зачеркнуто: 25.2.43. Станица Ахтырская. Дед Бруяк мне говорит (доверительно): «Тай мы ж не жиды якие або грэки...»>

5.3.43. Абинская. Бабка Анастасия Степановна Шинявская рассказывает. Сын ее еще в первой, империалистической, спрашивает в письме с фронта: «Мамо, как Вас зовут, а то меня спрашивают, а я не знаю, что ответить». И то правда. Муж никогда по имени не звал, все — «чуешь», «ты», а соседи <зачеркнуто: тоже> — «Иваниха», по мужу.

18.3.43. Мингрельская. Утро в избе. Разведчики: «Ну что, будем кашу долбать?» Худенький казачок Витя, лет 4-х: «Я тоже хочу кашу долбать».

¹⁴ Машинопись.

¹⁵ Сокращенные наименования немецких военных частей.

Кашу долбали, мясо рубали, водку пропускали. Это сейчас ее тормозят. — Тормознем бутылку?

7.5.43. Район выс[оты] 118.0. Бомбежка. Жестокий обстрел. Мужественно ведут себя Спирын, Лисицкий. Погиб милый человек рядовой Сидоров. Помнишь его жалобный взгляд? Но он был смел и скромен...

Конец мая (?) 1943. Западный, крутой берег Неберджайки. Много убитых. Раненый узбек тянет: «Му-сул-мо-о-н...» Это чтобы товарищи поскорее вынесли...

И. Цукерман.

<Зачеркнуто: 2.5.75.>

ВЫПИСКА¹⁶

из решения правления и партийного комитета колхоза «Родина» Орловского района Ростовской области от 9 января 1973 года.

СЛУШАЛИ: О присвоении звания «Почетный колхозник» колхоза «Родина» участнику боев за освобождение хутора Островянский от немецко-фашистских захватчиков лейтенанту 503 стрелкового полка, Баевскому Семену Исааковичу.

ПОСТАНОВИЛИ: За участие в боях по освобождению хутора Островянский от немецко-фашистских захватчиков и получившему тяжелое ранение в этом бою лейтенанту 503 стрелкового полка, 91 стрелковой дивизии, 52 армии и за активное участие в политико-воспитательной работе среди колхозников, военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения присвоить звание «Почетный колхозник» колхоза «Родина» товарищу Баевскому Семену Исааковичу.

Председатель колхоза «Родина» В.И. Киричков.

Секретарь парткома колхоза «Родина» А.Д. Цебер.

Печать Сельхозартели «Родина».

У хутора Островянский.

После длительного ночного марша мы вышли к хутору Островянскому, который нам предстояло взять. Рано утром, после артиллерийской подготовки, нашему полку, понесшему большие потери в предыдущих боях, удалось ворваться в хутор <зачеркнуто: Весь день мы> и занять его. К вечеру, как только начало темнеть, появились машины с немецкими солдатами — фашисты решили ввести в бой подкрепления. Мы заняли оборону, немцы подходили все ближе. Я был тогда

¹⁶ Машинопись.

лейтенантом, адъютантом командира полка. Во время контратаки меня ранило в руку разрывной пулей. Солдат помог мне добраться до одной хаты, хозяйка нашла марганцовку, помогла промыть и забинтовать рану. Она, как оказалось, запомнила меня.

Прошло 29 лет. В 1973 году меня разыскали <зачеркнуто: колхозники> и пригласили на хутор Островянский. <Зачеркнуто: Решением собрания правление колхоза «Родина» избрало, присвоило мне, избрало, я, правление.> Трудно писать о тех чувствах, которые я испытывал, когда на общем собрании колхоза «Родина» <зачеркнуто: решением колхозников я был избран> мне присвоили звание «Почетный колхозник».

С.И. Баевский¹⁷.

[Описание боевого пути. Специальный материал].

Дунаевская Ирина Михайловна.

Прошла по фронтам Вел[икой] Отечествен[ной] войны с апреля 1942 г. по 9 мая 1945 г. 1942–1944 — Ленинградск[ий] фронт — мл[адший] лейтенант, переводчик. С июля 1944 г. — 2-й Прибалтийский, 2-й и 3-й Белорусский фронты, участвовала в боях в Восточной Пруссии, в частности в штурме Кенигсберга.

Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Воробьев Михаил Васильевич¹⁸.

Рядовой 47-го запасного арт[иллерийского] полка под Ленинградом — январь–февраль 1945 г.

Награды: медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

¹⁷ Баевский Соломон Исаакович, кандидат филологических наук, иранист. Родился в 1923 г. в Могилевской обл. Белорусской ССР. В 1941 г. окончил школу и с началом войны поступил в военное училище. В звании лейтенанта воевал на фронте до января 1943 г., когда был тяжело ранен. Находился в госпитале в Уфе. После демобилизации поступил в Башкирский педагогический институт. Перешел в МГУ, затем на Восточный факультет ЛГУ. В 1956 г. стал сотрудником ИВ. Занимался изучением персидской лексикографии, а также описанием персидских и таджикских рукописей. В 1993 г. эмигрировал в США (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 947).

¹⁸ Воробьев Михаил Васильевич (1922–1995), доктор исторических наук, японист, корейст, историк, археолог, нумизмат, правовед, знаток военной истории и государственного устройства стран Дальнего Востока — Японии, Кореи, Китая. Родился в Петрограде. С 1941 г. — студент филологического факультета ЛГУ. С 1943 г. находился на фронте. Окончил Восточный факультет ЛГУ в 1950 г. По окончании университета работал в ИИМК, ГПБ, затем в ЛО ИВ АН СССР. Преподавал в ЛГУ (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 979).

Кальянов Владимир Иванович.

С 5-го июля — рядовой Народного ополчения на Ленинградском фронте. В январе 1942 г. принимал участие в боях в районе Шушар — Пулковских высот.

Награды:¹⁹.

Баевский Семен Исаакович.

<В правом углу красным карандашом приписано: исп.>

Свой боевой путь начал в звании лейтенанта на Сталинградском фронте. Участвовал в разгроме фашистских войск под Сталинградом (ноябрь 1942 г.), принимал участие в освобождении населенных пунктов Калмыцкой АССР и Ростовской области. 7 января 1943 г. в боях при освобождении хутора Островянский был ранен.

Награды: медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «20 лет Победы», «50 лет вооруженных сил СССР».

Зислин Меер Натанович²⁰.

1944 г. 2-й Прибалтийский фронт, затем в 1945 [г.] Ленинградский фронт — гвардии рядовой минометного взвода и связной.

Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Макарихина Галина Сергеевна.

С 1944 — 4-й Украинский фронт — Севастополь, Симферополь, регулировщица военной автодороги 15. 1944–1945 гг. — 2-й Белорусский фронт — Польша, Варшава, форсирование Одера, штурм Берлина.

Награды: медали «За взятие (правильно: освобождение. — *Ред.*) Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

¹⁹ Здесь в тексте пропуск. В.И. Кальянов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 74а. Л. 6.).

²⁰ Зислин Меер Натанович (1916–2003), кандидат филологических наук, гебраист-историк. Родился в Двинске Лифляндской губернии (ныне Даугавпилс, Латвия). С декабря 1941 по июнь 1944 г. находился в Ташкенте и обучался на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета (САГУ). Затем был мобилизован и до ноября 1945 г. служил в Красной армии. В 1945–1948 гг. был студентом исторического факультета МГУ. Затем преподавал в Латвийском педагогическом институте в Риге. С 1955 г. сотрудник ЛО ИВ. Сначала поступил в сектор восточных рукописей, в 1962 г. — в кабинет Ближнего Востока, затем работал в кабинете Древнего Востока. Исследовал еврейско-арабские рукописи, относящиеся к средневековой грамматической литературе. С 1984 г. на пенсии. Эмигрировал в Израиль (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 844).

Summary

The Institute of Oriental Studies in 1945.

Preface and publication by S.I. Marakhonova

These materials are believed to have been prepared for the special issue, of the wall newspaper of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies, RAS, dedicated to the 30th anniversary of the Victory and including war-time memoirs of its veteran members. They were rewritten and edited by D.E. Bertels who was the Institute's "biographer". The notes deal with the memoirs of researchers of the Institute who participated in World War II and of some scholars who stayed in Tashkent where the Institute was evacuated.

Keywords: World War II, The Institute for Oriental Studies, Leningrad Branch, Archives.